

Всюду царило западное тепло и умиротворение, не было ни суеты, ни страха — лишь окутывавшее её со всех сторон ощущение абсолютной безопасности, наполнявшее душу невероятным покоем.

В этот момент из сияющего белого света соткалась и плавно ступила вперед фигура в белых одеждах.

Девочка — легкая и изящная, с нежным взглядом и мягкими чертами лица, в простом нигде не запятанном платье — источала вокруг себя тончайшую ауру жизненной силы. Она точь-в-точь походила на Богиню Цветов Фу Юй с древнего свитка в зале старейшин.

Хуа Чжао остолбенело застыла на месте, на мгновение лишившись способности говорить.

Сквозь тысячелетия к ней пробивались жалость и небывалое ожидание.

— Ты пришла.

Тихий и мягкий голос прозвучал в самом сновидении — казалось, он раздался не у самого уха, а в глубинах её души.

Хуа Чжао слегка вздрогнула и тихонько проговорила, едва сдерживая едва заметную дрожь в голосе:

— Вы... госпожа Фу Юй?

Женщина легко улыбнулась, её изогнутые дугой брови и глаза на поразительно похожем на её собственное лице излучали теплоту:

— Я — Фу Юй, но я и ты. Ты — это я, а я — это ты. Мы изначально едины, нас разделяет лишь череда тысячелетних перерождений.

Сердце Хуа Чжао бешено заколотилось, и она не знала, как на это ответить.

Фу Юй медленно приблизилась, протянула руку и легонько коснулась кончиками пальцев её лба. Мягкая, но мощная волна энергии медленно впиталась в неё, разглаживая всю тревогу и смятение в её сердце.

— Когда много веков назад разразилась та катастрофа, буинила демоническая ци и страдали живые существа, я использовала собственную душу как проводник, чтобы запечатать первопричину бедствия. Но я знала, что печать — лишь временная мера.

— Я отправила в круговорот перерождений последнюю каплю своей истинной крови, и ждала я именно тебя. Ждала, пока ты вырастешь, пока ты пробудишься, пока ты примешь это предназначение.

— Твоя родословная — самая чистая в мире Сила Жизненной Энергии, способная очищать демоническую ци и возрождать всё живое, она — заклятый враг любой скверны. Моя печать на твоих силах слой за слоем сдерживала их не для подавления, а ради защиты. Когда придет время, печать спадет сама собой, и ты по-настоящему пробудишься, став собой цельной.

У Хуа Чжао защемило в глазах, и она тихо спросила:

— Я... я правда смогу?

Фу Юй посмотрела на нее решительным и нежным взглядом:

— Сможешь. Потому что ты — это я, а я — это ты. Наше предназначение всегда было единым.

С этими словами белый свет начал рассеиваться, и фигура Фу Юй стала прозрачной.

— Проснись. Путь, уготованный тебе, с этого момента официально начинается.

Сон рассыпался на осколки.

Хуа Чжао резко распахнула глаза. За окном по-прежнему царила безмятежная лунная ночь, но в глубинах её взгляда больше не было прежней растерянности — напротив, там поселилась невиданная доселе безмятежность и искра ясности.

Она знала: с этого мгновения она больше не одинокая сирота, которой некуда податься.

За её спиной стояли тысячелетняя вера, ждущие её живые существа и человек, который всегда оберегал её.

Небо еще не успело полностью посветлеть, на востоке лишь брезжил слабый рассветный свет, и древняя деревня всё еще погружена была в тихий сон.

Вдруг со стороны горных лесов за пределами селения донесся пронзительный, свирепый и зловещий рёв!

Этот неприятный, режущий слух звук, пропитанный густой злобой и запахом крови, в один миг разрушил умиротворение древней деревни, заставив сердца людей затрепетать от страха.

Лица Хуа Чжао и Цин У мгновенно переменились. Практически одновременно поднявшись на ноги, они лишь слегка взмахнули рукавами и, обменявшись единственным взглядом, без лишних слов стрелой бросились к деревенским воротам.

Вэнь Чжияй, Су Цинъя и Гу Юньхао также пробудились от этого жуткого вопля, мгновенно вскочили, схватили оружие и бросились следом.

Добравшись до выхода из деревни, они предстали перед устрашающей картиной.

Несколько покрытых черной чешуей, уродливых и жутких монстров безумно таранили заграждения у деревенских ворот, не переставая реветь. Их высокие, массивные тела обладали непробиваемой, словно железо, кожей, глаза горели кроваво-красным огнем, а из пастей исходил удушающий смрад демонической ци. Куда бы они ни ступали, трава мгновенно увядала, а деревья чернели и гнили — вокруг бушевала чудовищная скверна.

— Это порождения демонической скверны, пережившие древнюю катастрофу! — лицо Гу Юньхао помрачнело, он перехватил запястье, и длинный меч со звоном вылетел из ножен, сверкнув ледяным блеском. — Их приманило дыхание Родословной Богини Цветов Хуа Чжао!

Су Цинъя нахмурилась, её лицо было предельно серьезным:

— Хотя эти твари и не относятся к сильнейшим врагам, они источают густую остаточную демоническую ци. Если они ворвутся в селение, то непременно ранят ни в чем не повинных жителей и осквернят духовную энергию деревни.

Вэнь Чжияй крепко сжала в руке мешочек с лекарствами, её личико напряглось, а во взгляде читалась тревога:

— Мы должны удержать деревню, ни в коем случае нельзя позволить им пройти!

Хуа Чжао спокойно стояла впереди всех, глядя на безумствующих монстров. В её ясных глазах не было ни капли страха — лишь гладь безмятежности и твердая решимость.

Она отчетливо чувствовала, как запечатанная в её теле Сила Жизненной Энергии тревожно заволновалась и зашевелилась.

Жизненная сила и демоническая ци извечно противостояли друг другу и не могли существовать вместе.

Её родословная предостерегала ее и в то же время призывала вступить в бой, чтобы очистить тьму.

— Будьте осторожны, не увлекайтесь затяжным боем. Наша главная цель — очистить демоническую ци, защитить деревню и как можно скорее покончить с ними, — голос Хуа Чжао звучал мягко, но в нем слышалась непреклонная уверенность.

В этот момент она больше не была той младшей сестрицей, которую все должны прятать за своими спинами, — она стала переродившейся Богиней Цветов, несущей на своих плечах великую миссию защиты всего живого.

Цин У тут же встал рядом с ней, незаметно сдвинувшись на полшага ближе и прикрывая ее периферийным зрением. Ци вокруг него плавно заструилась, а взгляд стал острым:

— Я прикрою тебя, а ты делай то, что должна, не тревожась ни о чем.

Тон был ровным, но в нем сквозила безоговорочная привязанность.

Гу Юньхао первым бросился вперед, его меч рассек воздух с морозной свирепостью, целясь прямо в головы чудовищ.

Су Цинъя сосредоточила духовную энергию на кончиках пальцев, превращая ее в острые клинки света, однако боковым зрением неотрывно следила за спиной Гу Юньхао, готовая в любую секунду прикрыть его при появлении бреши в защите — их слаженность была бессловесной.

Вэнь Чжиюй осталась позади, не сводя глаз с поля боя. Ее сердце было полностью приковано к товарищам, особенно надолго задерживаясь на Цин У и Хуа Чжао — она в любую секунду была готова бросить целебную пилюлю.

Хуа Чжао глубоко вдохнула и медленно подняла правую руку. Тончайшая, но чистейшая сияющая белая нить Силы Жизненной Энергии потекла с кончиков ее пальцев.

Эта сила казалась ничтожно малой, но она несла в себе смертоносную для демонической ци способность к подавлению и очищению.

В тот момент, когда один из монстров внезапно прыгнул на Хуа Чжао сзади-сбоку...

Цин У почти инстинктивно развернулся, взмахнув рукавом, и мощным потоком духовной энергии отбросил чудовище. Его пальцы случайно скользнули по запястью Хуа Чжао, и он тихо произнес:

— Не отвлекайся.

Его тон был холодным, но движение говорило о том, что он защитит ее до конца.

Сердце Хуа Чжао слегка дрогнуло, кончики пальцев запылали жаром, но ее собственная сила стала лишь крепче.

Рев чудовищ, свист рассекающих воздух клинков и столкновения духовной энергии загремели у деревенских ворот.

Пятеро встали плечом к плечу, преграждая монстрам путь к жителям. Ни один из них не сделал ни шагу назад, поклявшись защищать селение до конца.

Фигура Цин У неизменно держалась в полушаге от Хуа Чжао: куда шла она — туда шел и он, когда отступала она — он вставал на защиту. Формально это был совместный бой, но в каждом движении читалась всепоглощающая, сокрытая от чужих глаз нежность.

Спустя мгновение яростной схватки все монстры были очищены и рассеялись в пространстве, но заграждения у деревенских ворот и несколько деревянных хижин были разбиты и разрушены, превратившись в руины.

После битвы вход в деревню лежал в полном беспорядке, повсюду валялись щепки и обломки камней.

Цин У первым делом повернулся к Хуа Чжао и, протянув руку, бережно смахнул с ее волос застрявшую травинку. Его пальцы двигались естественно и нежно, а взгляд внимательно скользнул по ее фигуре, и лишь убедившись, что она не пострадала, он слегка выдохнул.

— Ты не ранена? — тихо спросил он, и беспокойство в его голосе невозможно было утаить.

Хуа Чжао покачала головой, чувствуя, как щеки заливают краской, и пролепетала:

— Я в порядке, спасибо, что старший брат защитил меня.

Неподалеку Гу Юньхао убрал меч в ножны. Его профиль оставался суровым, но он украдкой взглянул на Су Цинъя и тихо, но заботливо произнес:

— Ты потратила слишком много духовной энергии в бою, отдохни немного.

На сердце у Су Цинъя стало тепло, и она легко кивнула — между ними не требовалось слов, сказывалась многолетняя сыгранность.

Вэнь Чжиюй подбежала к ним, вся сияя от облегчения и радости. Глядя на стоящих бок о бок Цин У и Хуа Чжао, она состроила умиленную гримаску, мысленно начиная яростно шипперить эту пару.

Жители деревни начали собираться у ворот. Увидев, что монстры уничтожены, а Хуа Чжао невредима, они облегченно вздохнули.

Среди суматохи к ним быстрым шагом подошел мягкий с виду молодой человек — это был Шэнь Ци.

Одетый просто, с доброй и кроткой улыбкой, он без лишних слов взвалил на плечо сложенную деревянную балку и искренне произнес:

— Жилища разрушены, оставаться здесь опасно. Я сильный, так что разберу завалы сам, а вы все отдохните.

Он работал расторопно, вел себя приветливо, брался за самую тяжелую и грязную работу, а время от времени украдкой поглядывал на Хуа Чжао, протягивая ей чистую воду и лепешки — его забота проявлялась во всем.

Жители селения наперебой хвалили его за трудолюбие и доброе сердце.

Будучи по природе простодушной, Хуа Чжао прониклась к нему симпатией за такую отзывчивость и с улыбкой поблагодарила его.

Когда эта сметка попала в поле зрения Цин У, его брови едва заметно сошлись на переносице.

Остальные видели в Шэнь Ци лишь доброту и участливость, но Цин У с первого же взгляда разглядел за этим кротким фасадом скрытый умысел и расчет.

Он не был от природы подозрителен — просто его пережитое прошлое было слишком тяжелым.

В трехлетнем возрасте его клан был полностью вырезан, а прежние родственники и слуги в минуту смертельной опасности сорвали маски, показав свои звериные оскалы. Он выживал среди гор трупов и рек крови, изведав человеческую злобу и холодность этого мира.

Позже его подобрал и приютил учитель, введя в орден под именем со слогом Цин. Наставник стер следы его прошлых страданий, даровав имя Цин У — с тех пор в мире не стало того напуганного и беспомощного ребенка, остался лишь сосредоточенный, холодно-невозмутимый Цин У, чьей единственной целью была защита.

И именно потому, что он испил до дна всю человеческую тьму, его чуткость и бдительность к притворству и злобе были доведены практически до инстинкта.

[Внутренний монолог Цин У]

Это же его маленькая младшая сестренка, которую он нянчил с пеленок и оберегал на ладони, единственный лучик света в его темные годы.

Он видел, как она превращалась из пухлого комочка в распутившийся цветок, отдав ей всю свою нежность и предвзятость, запрятав это глубоко на дне души и не смея вымолвить вслух — он лишь желал ей спокойной и чистой жизни, чтобы она никогда не узнала то зло, через которое прошел он сам.

И теперь кто-то приближается к ней с умыслом, пытаясь одурманить её разум — от этой мысли ему становилось страшнее и больнее, чем кому бы то ни было.

Вечером, во время уборки после битвы, Цин У перехватил запястье Хуа Чжао. Его пальцы слегка сжались, а голос упал до низкого шепота:

— Держись от Шэнь Ци подальше. У него нечистые помыслы, а его ци слишком грязна.

Хуа Чжао остолбенела, инстинктивно пытаясь выдернуть руку, и с недоумением произнесла:

— Старший брат, он ведь все время помогал нам, и ко всем относится так хорошо, почему ты вечно говоришь о нем плохо?

— Ты слишком наивна и не видишь истинной сути людей, — голос Цин У стал жестче. — Он сближается с тобой вовсе не из доброты.

— Ты просто слишком подозрителен! — Хуа Чжао обиженно надула губы, ее глаза слегка покраснели. — Он обычный человек, сбежавший от бедствия, зачем ты во всем ищешь злой умысел?

Глядя на то, как она защищает постороннего человека, Цин У почувствовал во рту горечь, а в груди — давящую тоску, но он не смел сказать ей ни единого резкого слова.

Он боялся, что она пострадает, боялся, что её обманут, но больше всего боялся, что из-за чужаков между ними возникнет пропасть.

— Я просто не хочу, чтобы тебе причинили боль, — его голос смягчился, переполнившись беспомощностью.

— Мне не нужно, чтобы ты так меня контролировал!

Обидевшись, Хуа Чжао резко развернулась и быстро убежала, оставив Цин У стоять в одиночестве среди наступающих сумерек.

Вечерний прохладный ветерок касался его кожи, на кончиках пальцев все еще чудилось тепло ее запястья, но на душе бушевала смесь боли и тревоги.

Он вовсе не пытался её контролировать.

Он просто боялся...

Что свет, который он изо всех сил пытался уберечь, в конце концов будет обожжен самой грязной тьмой человеческих сердец.

Прошло несколько дней. В древней деревне воцарился мир и покой.

Жители, благодарные за защиту переродившейся Богини Цветов и предвкушая совершеннолетие Хуа Чжао, загодя начали подготовку к торжественной и теплой церемонии припиленного шпилькой совершеннолетия.

Перед залом старейшин витал сладкий аромат цветов, пестрые шелковые ленты покачивались на ветру, и вся деревня собралась здесь, сияя счастливыми улыбками.

Старейшина, держа в руках деревянную шпильку, лично уложил волосы Хуа Чжао в женскую прическу, и каждое его движение было преисполнено благоговения и надежд.

Цин У стоял в стороне, и его взгляд от начала и до конца был прикован к Хуа Чжао — нежность в его глазах грозила перелиться через край.

Размолвка нескольких дней назад давно канула в лету, он по-прежнему молча охранял ее сбоку — без лишних слов, просто защищая.

В тот момент, когда церемония завершилась, раздались теплые аплодисменты всей толпы.

Но в этот самый момент вперед неторопливо выступил Шэнь Ци. Его осанка была прямой, а во взгляде читалась та самая выверенная мягкость, с которой он подошел прямо к Хуа Чжао.

Поклонившись ей, он заговорил звонким голосом, отчетливо слышным каждому присутствующему:

— Госпожа Хуа Чжао, с тех пор как я пришел в деревню, я пользовался вашей заботой и без памяти влюбился в вас. Теперь, когда вы достигли совершеннолетия, я бы хотел предложить вам всю свою жизнь в обмен на обещание оберегать ваш покой. Прощу, дайте мне шанс.

Едва он умолк, как собравшиеся заулыбались добрыми улыбками, полагая, что это начало

прекрасного союза.

Хуа Чжао слегка растерялась, не зная, как поступить, и инстинктивно открыла рот, собираясь ответить.

— Нельзя.

Цин У сделал шаг вперед, и его холодный голос резко оборвал тишину.

Шэнь Ци тут же изобразил оскорбленное и обиженное выражение лица, испуганно замахал руками, а его тон зазвучал предельно искренне:

— Госпожа Хуа Чжао, я знаю, что происхождением не ровня вам и не смею на вас претендовать, но мои чувства к вам искренни... Почему старший брат Цин У вечно безосновательно подозревает и чернит меня?

Он говорил так проникновенно, что у него даже слегка покраснели глаза — вылитая картина человека, которого несправедливо оклеветали и у которого нет возможности оправдаться.

Селяне тут же зашушукались, принявшись вполголоса уговаривать Цин У, находя его слишком суровым.

Сердце Хуа Чжао дрогнуло, прежние угрызения совести и сомнения вновь подняли голову. Она не удержалась и посмотрела на Цин У, а в ее голосе прорезалась легкая, полная обиды упрека нотка:

— Старший брат, он просто искренен с нами и никогда не делал ничего дурного, почему ты снова столь подозрителен?

Цин У сжало сердце, а кончики его пальцев побелели.

Он смотрел на маленькую девочку, которую взрастил своими руками,

на ту, что вновь ради чужака с сомнительными целями подвергла сомнению его слова. Но даже несмотря на это, он не мог позволить себе посмотреть на нее холодно, лишь глухо произнес:

— Поверь мне хоть раз. Он приближается к тебе ради Золотого Замка Богини Цветов.

— Я не преследовал такую цель! — тут же взволнованно возразил Шэнь Ци, на его лице отразился испуг, искусно замаскированный под твердость. — Я ничего не знаю об этом замке! Я просто... я просто искренне люблю ее!

Он играл настолько убедительно, что даже Вэнь Чжиюй заколебалась.

Хуа Чжао же и вовсе преисполнилась жалости, думая лишь о том, что ее старший брат слишком упрям.

Но в следующую же секунду...

Воспользовавшись тем, что все потеряли бдительность, взгляд Шэнь Ци ожесточился, он резко выбросил руку вперед, целясь точно в Золотой Замок Богини Цветов на груди Хуа Чжао!

Его скорость превышала человеческую в несколько раз — очевидно, он готовился к этому заранее!

— Наглец!

Взгляд Цин У заledenел, его фигура мгновенно оказалась перед Хуа Чжао, и взмах рукава с невероятной силой отбросил Шэнь Ци на несколько шагов назад.

Удар был чистым и стремительным. Шэнь Ци, не ожидавшего такого отпора, отбросило назад, он свалился на землю, и вся его маска рухнула в один миг.

Хуа Чжао замерла на месте, ее зрачки сузились.

Она отчетливо, собственными глазами увидела...

Что рука, которую Шэнь Ци только что протянул к ней, была нацелена исключительно на Золотой Замок Богини Цветов, который она носила у самого сердца.

Никаких оправданий больше не требовалось.

Железные доказательства были налицо.

Поняв, что разоблачен окончательно, Шэнь Ци перестал притворяться доброжелательным. Его лицо исказилось от злобы и досады, он сжав зубы зарычал:

— Верно! Я сблизился с тобой именно ради этого Золотого Замка Богини Цветов! Эта штука способна пробудить силу родословной, заполучи я ее — и я в один миг взлечу на вершину!

— А вся та странность во мне — лишь следствие дорожной скверны, и с расой демонов я никак не связан, но всё, чего я хотел — это твой замок!

Площадь погрузилась в шокированное молчание!

Жители деревни были одновременно поражены и разъярены — они не верили, что столь долгое время их водил за нос подобный негоджей.

Хуа Чжао стояла бледная как полотно, казалось, вся кровь в ее теле застыла.

Выходит...

От начала и до конца неправа была она.

Это она была наивна, это она проявила излишнюю мягкотелость, это она раз за разом обвиняла человека, который защищал ее ценой собственной жизни и никогда не лгал.

Цин У не обернулся, лишь надежно прикрыв ее своей спиной. Его низкий голос звучал успокаивающе и не содержал ни единой нотки упрека:

— Не бойся, я здесь.

Одного этого короткого предложения хватило, чтобы ее глаза вновь заволочло слезами.

Гу Юньхао и Су Цинъя тут же шагнули вперед, с двух сторон решительно и жестко придавив Шэнь Ци к земле.

Обладая лишь толикой превосходства над обычными людьми и не имея за душой истинного совершенствования, перед лицом двух мастеров практики он не мог оказать ни малейшего сопротивления. В мгновение ока он был повержен, его пучок волос растрепался, а сам он выглядел жалко и беспомощно, напрочь лишенный прежнего учтивого облика.

Старейшина побагровел от гнева, его белоснежная борода дрожала, а деревянный посох с силой ударил о землю, издав суровый и властный глас:

— Глубоко скрывающий злой умысел, покусившийся на реликвию Богини Цветов, обманувший всю деревню — изгнать из селения навсегда, без права возвращения!

Селяне, и без того почитавшие защищавшую их Хуа Чжао, узнав, что их водил за нос такой мерзавец, закричали в ярости. Они единодушно накинулись на него и пинками погнали прочь из деревни, пока его жалкая фигура не скрылась в глубине лесной чащи, где ему навсегда было заказано появляться поблизости.

Буря улеглась, шум постепенно затих, и вокруг вновь воцарился покой.

Хуа Чжао опустила маленькую головку, ее длинные ресницы мелко дрожали, словно крылышки испуганной бабочки. Наконец слезы покатались каплями, падая на платье и расплываясь темными влажными пятнами.

В ее сердце смешались раскаяние и горечь, горло сдавило спазмом, и у нее не было храбрости даже поднять взгляд на Цин У.

Она легонько потянула его за рукав, ее пальцы едва заметно дрожали, а сорвавшийся с губ тоненький голосок был полон самоуничижения:

— Старший брат... прости... я была права...

— Я не должна была тебе не верить, не должна была обвинять тебя в излишней подозрительности и тем более... чуть не позволить ему украсть замок и натворить столько беды.

Цин У развернулся и молча посмотрел на съедаемую раскаянием девушку с покрасневшими глазами. В этот момент все его сдерживание, напряжение и тревога рассыпались в прах, сменившись безграничной нежностью.

Он медленно поднял руку и подушечками пальцев бережно стер слезинки с ее уголков глаз, действуя так осторожно, словно касался хрупчайшего сокровища, и даже дыхание его стало совсем легким.

[Внутренний монолог Цин У:

Глупышка, о чем ты плачешь?

Я никогда не винил тебя. Ни на йоту.

Я лишь безумно ненавидел тех, кто смеет пользоваться твоей наивностью, ненавидел каждого, кто посмел хотя бы пальцем к тебе прикоснуться, и ненавидел твое беззащитное доверие, когда ты смотришь на кого-то другого.

Я бы с радостью разогнал всех волков и тигров, подбирающихся к тебе, и спрятал бы тебя там, где только я могу касаться тебя и оберегать.

Защищать и беречь тебя всю жизнь, не позволяя никому даже взглянуть на тебя.

Ты — тот самый свет, который я вынес сквозь горы трупов и темные годы, ты та, кого я растил с пеленок, кого защищал и чье имя вплавил в собственную кровь.

Ты можешь быть наивной, простой, ничего не понимать и оставаться вечно чистой от мирской скверны.

Но принадлежать ты должна только мне.

Только я имею право тебя защищать, только я — оберегать, и принадлежать ты будешь лишь мне одному.

Эти безумные и горящие чувства я пронесу через всю жизнь на дне своего сердца, никогда не позволяя тебе узнать о них, просто надежно укрыв тебя рядом с собой.]

— Ты не виновата, — приглушенно произнес Цин У, продолжая легко гладить ее мягкую щеку со взглядом, полным глубочайшей нежности и дорожащего трепета. — Ты чиста и добра, тебе и не должно быть понятно человеческое коварство, эту грязь тебе видеть и не полагалось.

— Впредь злодеев буду гнать я, разрушать заговоры буду я, отражать бури — я, и нести опасности — тоже я. Тебе достаточно лишь стоять у меня за спиной, живя в безопасности и радости.

Хуа Чжао больше не сдерживалась и тихонько прижалась к его груди, выплакивая накопившиеся обиду и страх.

Цин У слегка опешил, а затем нежно обнял ее, крепко прижимая к себе. Его подбородок коснулся ее мягкой макушки, каждое движение было преисполнено трепета, а все его существо переполнялось радостью обретенного вновь сокровища.

Неподалеку Вэнь Чжияй закрыла рот руками, ее глаза ярко сияли — мысленно она вовсю визжала от умиления, едва ли не виляя воображаемым хвостом;

Гу Юньхао с бесстрастным видом отвел взгляд, хотя кончики его ушей порозовели, а сам он деланно-невозмутимо поправлял рукава;

Су Цинъя легко усмехнулась, в ее глазах читались понимание и мягкость, когда она наблюдала за этой парой, что прошла через недомолвки к ясному осознанию чувств.

Ласковые лучи заката протянули длинные тени от двух прильнувших друг к другу фигур. Мягкий вечерний ветерок приносил слабый цветочный аромат, и даже сам воздух казался сладким и теплым.

Одна ошибка, одно разоблачение и одна защита лишь сделали тайные, не смевшие вырваться наружу чувства еще яснее и горячее.

С этого дня она больше никогда в нем не усомнится.

А он больше никому и никогда не позволит даже попытаться причинить вред его дорогой девочке, заменявшей ему саму жизнь.

Ночь сгущалась, погружая древнюю селение в глубокий покой.

Приближалась полночь. За окном сиял бледный лунный свет, царило абсолютное безмолвие, нарушаемое лишь редким стрекотанием цикад.

<http://bllate.org/book/20121/1989478>